

ЗИНАИДА ГИППИУС

В ГОСТИНОЙ И
В ЛЮДСКОЙ

Зинаида Николаевна Гиппиус

В гостиной и в людской

Аннотация

«После первых зимних дней наступила опять оттепель. Часто петербургский ноябрь бывает дождлив и тепел, как хмурый март. Загремели дрожки по выглянувшей мостовой; дворники счищали коричневый, умирающий снег. При наступлении сумерек фонари замигали, отражаясь в лужах и тротуарах, блестящих, как зеркало...»

Содержание

I	4
II	12
III	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Зинаида Гиппиус

В гостиной и в людской

I

После первых зимних дней наступила опять оттепель. Часто петербургский ноябрь бывает дождлив и тепел, как хмурый март. Загремели дрожки по выглянувшей мостовой; дворники счищали коричневый, умирающий снег. При наступлении сумерек фонари замигали, отражаясь в лужах и тротуарах, блестящих, как зеркало.

У подъезда большого пятиэтажного дома остановился извозчик. Подъезд был массивный, с претензиями. И весь дом был построен с претензиями. Архитектор, очевидно, преследовал готический стиль, но зачем ему понадобилось делать на подъездах и карнизах надписи не то китайскими, не то турецкими буквами – этого, вероятно, он и сам не знал.

На извозчике подъехала очень молодая дама, высокая и сухая. Хлопнув дверью, она вошла на парадную лестницу. Красный ковер уходил, поднимаясь в бесконечную высь. Лампы с затейливыми подставками горели ярко. И когда закрылись двойные наружные двери, на лестнице стало опять тихо и почти торжественно. Из швейцарского углубления не доносилось ни одного звука. Сам швейцар, бледный, моло-

дой и крайне серьезный, взглянув на даму, позвонил наверх, в двадцатый номер.

Мимо ряда дверей с именами и фамилиями дама поднялась в четвертый этаж. Здесь на двери была надпись: «Петр Петрович Бем».

Дама, супруга господина Бема, хозяйской рукой позвонила громко и нетерпеливо. Когда, наконец, отворили, Лидия Ивановна вошла в переднюю и спросила:

– Барин дома? А где Лиза?

Маленькая шустрая девчонка, Агашка, исполнявшая роль подгорничной, отвечала крайне печальным тоном:

– Барин не приходили. А Лиза на свадьбу ушла. Лидия Ивановна улыбнулась.

– Ах, да, помню, в первый этаж. А разве уж одели невесту? И в церковь уехали?

Агаша ожила.

– Какой там! Я сейчас бегала. Никого гостей почти нет. Да и невесту причесывают – причесать не могут.

– В самом деле? Поди-ка, Агаша, скажи там Лизе, пусть приведут невесту ко мне, я ее причешу. И гости пусть все сюда приходят. Барина дома нет...

Лидия Ивановна очень обрадовалась неожиданному развлечению, и когда привели невесту, принесли вуаль и цветы – она с удовольствием принялась за дело. Невеста была совсем бедная девушка, жившая в кухарках у старой барыни, робкая и скромная. Брал ее дворник соседнего дома.

С невестой пришла ее единственная родственница, худая и с таким малым количеством светлых волос, что при первом взгляде их трудно было заметить. Впрочем, шелковое пышное платье зеленого цвета придавало ей внушительный вид.

Решили ехать в церковь прямо из квартиры Лидии Ивановны. Скоро вся кухня, довольно большая, наполнилась принаряженными девушками, гостями... Разнообразие костюмов было поразительно. Но самым ярким пятном выделялась горничная из девятнадцатого номера, в голубом платье с розовыми букетами. На лестнице ее прозвали Агашей-толстой, в отличие от Агаши-маленькой, подгорничной Лидии Ивановны. Агаша-толстая была недурна, с узким лбом, черными глазками навывкате и крошечным носиком. Она немного пришепетывала. Теперь ее круглое лицо пылало от волнения. Ей так хотелось быть сегодня поинтереснее, получше. Девушки приглашали знакомых кавалеров – и она пригласила от себя своего знакомого и даже земляка – Лаврентия Корвина. Лаврентия взяли в солдаты. Он был уже унтер-офицер и через полтора года кончал службу.

Давно Лаврентий нравился Агаше. В глубине души она даже надеялась, что он возьмет ее замуж. Агаша была староверка и знала, что Корвин тоже из староверческой семьи. Это одно уже как бы связывало их.

И Агаша нетерпеливо и взволнованно прохаживалась по кухне, стуча каблуками прюнелевых туфель.

Невесту увезли. Было всего три кареты. Но каждый хо-

тел ехать в карете, и потому приходилось ждать очереди. Лидия Ивановна разговаривала с девушками. Ее собственная горничная, Лиза, темноволосая девушка лет двадцати пяти, с бледным и тонким лицом, мало походила на горничную. Платье ее сидело гораздо лучше, чем у Агаши, а взгляд был скучающий и презрительный.

Про нее говорили, что она гордая и дерзкая, как «барышня».

Дверь открылась – и вошел невысокий, худенький человек в солдатской шинели. Из-под барашковой шапки не то печально, не то разочарованно глядели голубые глаза. Белокурые усики вились на верхней губе.

Агаша-толстая подлетела к своему знакомцу и подала ему руку. Потом он стал здороваться с другими, хотя и не был знаком. Все, впрочем, немедленно догадались, что это – Агашин Корвин. Одна девушка сообщила другой, что Корвин – «очень, очень недурненький». Надменная Лиза дернула плечом и сказала громко, что ненавидит солдат, так как они не умеют танцевать.

Корвин встрепенулся, взглянул на Лизу, подошел ближе и тотчас же заявил, что он умеет танцевать. Лиза возразила, что все-таки она ненавидит солдат. Корвин отвечал самой тонкой любезностью. Разговор завязался. Агаша стояла в стороне. Корвин и не обернулся к ней.

Лидия Ивановна разговорилась с одним из приглашенных, который оказался бывшим швейцаром этого дома. Те-

перь из швейцара он превратился в артельщика нефтяного склада и распространял вокруг себя непобедимый запах керосина, хотя и надел новый сюртук, новый галстук, и вообще изо всех сил старался походить на барина.

И все, начиная с Агаши и ее туфель, кончая Корвиным и надменной Лизой – все стремились к одному: как можно больше походить на господ. У одной была оборочка, совершенно как у барышни; у другой – «французская» прическа. Лиза прекрасно знала, что с мужчинами надо обращаться презрительно; однако она уменьшила свое презрение, когда выяснилось, что Корвин был в третьем классе гимназии и даже имеет брата, который говорит по-французски. Всякий писарь, умеющий писать письма, а подчас и стихи, был Лизе приятнее самого красивого лакея. Стихи и общее «образование» писаря приближали его к господам...

И вместе с тем ни у кого не было к настоящей барыне, Лидии Ивановне, ни малейшего внутреннего почтения. Служить надо, потому что платят деньги. Все дело случая. Стоит только подражать господам – и будешь не хуже их.

Подозрительная и влюбленная Агаша томилась, видя, что Корвин ухаживает за Лизой.

В карету они сели все трое вместе.

В карете было темно, холодно, и мостовая оглушительно гремела под колесами. Корвин приостановил свое ухаживанье. Но Агаша решила воспользоваться минутой и унижить гордую Лизу.

– А что, Лиза, на воле-то после казенных, институтских мест, хуже, я думаю?

– Нет, отчего. У меня теперь место хорошее.

– А вы ведь сами из Воспитательного?

– Да.

– Вот как! Значит – ни роду ни племени, ни отца ни матери не знаете! Может, они у вас Бог весть какие важные господа были, ведь это ничего неизвестно. А у нас – что! наши родители известные, серый народ, одно разве утешение, что честные, да воспитали нас как следует.

Агаша вздохнула, что за каретным шумом никто не слышал. Лиза промолчала.

– А что, мальчик ваш давно умер? – спросила опять Агаша, напрягая голос.

– Весной.

– Ах, скажите! И ведь вот эти мужчины – каковы! Он ведь женился, кажется?

– Женился.

– Ай-ай-ай! Ведь вот как это, можно сказать, неблагородно с его стороны!

Эти восклицания остались без ответа. Лиза обратилась к Лаврентию и сказала:

– Не люблю я свадеб в кухмистерских. Жара. У кавалеров сюртуки линяют – и перчатки черные. После одной кадрили светлое платье никуда не годится.

– У меня белые перчатки, Лизавета Максимовна, – под-

хватил Корвин. – И позвольте пригласить вас на первую кад-
риль и на последующую.

Замысел Агаши не имел успеха. Она раскрыла глаза Кор-
вина на поведение Лизы, но это, увы, не изменило его чувств.

Вечер в кухмистерской удался чрезвычайно. Гармонист
попался прекрасный. Под звуки его громадной гармонии, са-
мой усовершенствованной, были протанцованы бесчислен-
ные кадрили и польки. К сожалению, многие кавалеры, в том
числе и новобрачный, и керосинный артельщик, не умели
танцевать. Они усиленно пили мед и пиво. Угощение было
отличное: каждый требовал, чего хотел – сладкого вина, чаю,
кофе...

Лиза танцевала с Корвиным. Иногда она лукаво говорила:
– Подите же к вашей Агаше. Видите, как она страдает.
Она в вас до смерти влюблена, а вы с ней так поступаете.

– Что ж, мне теперь повеситься, если она в меня влюбле-
на? Вот это мило! Она-то влюблена, да, может, я не влюблен?
И если я совершенно в другую влюблен, то виноват ли я?

«Образованность» Корвина и сходство с благородным
господином неотразимо пленяли Лизу. Говорил он вежливо
и тихо, не без достоинства. И Лиза ему очень понравилась.

Когда вечер кончился, он проводил Лизу домой, до самой
двери четвертого этажа. Было уже пять часов утра. Лиза про-
бралась тихонько за драпировку, где стояла ее постель. Че-
рез три часа нужно было вставать, самовар, завтрак... «О,
чтобы эти завтраки!» – подумала Лиза.

С полу, где был разостлан соломенник, Агаша-маленькая, Лизина помощница, подняла голову и поглядела на розовое платье и растрепанную прическу завистливыми, недобрыми глазами. Агаша-маленькая была недавно из деревни, но оказалась необыкновенно способной к усвоению петербургских манер и быстро начинала образовываться.

Лиза в изнеможении упала на кровать, и тщетно в восемь часов трещал над ее ухом электрический колокольчик. Зло-нравная маленькая Агаша нарочно ее не будила, а сама, при первой опасности, намеревалась выскользнуть на лестницу и уверять потом с невинностью, что она ходила за булками.

II

Петр Петрович зажал уши и взглянул на потолок. Смотреть на потолок было его обычным жестом в затруднительных обстоятельствах жизни. Он как будто призывал Бога в свидетели, что не виноват.

Теперь, выдерживая сцену с женой, он скромно и жалобно съежился в большом кресле. И никто бы не подумал, что этот худенький, белокуренький человечек, такой незащищенный, в чем-либо виноват. Напротив, было ясно, что он терпит обиду.

Лидия Ивановна бегала из угла в угол, всплескивала руками, упрекала, жаловалась, кричала.

Наружность Лидии Ивановны, если не могла назваться красивой – во всяком случае была выразительна и оригинальна. Длинный узкий нос с очень большими, открытыми ноздрями, черные глаза и волосы, смуглая кожа, – все делало ее похожей на цыганку или вообще на женщину южных стран. А по нервности и крайней худощавости, какой-то поджарости – она напоминала прекрасную, породистую гончую.

Всегда, в сценах между мужем и женою, Лидия Ивановна кричала, а Петр Петрович съеживался, зажимал уши и смотрел на потолок. Он твердо держался того убеждения, что во всех решительных случаях жизни молчание есть самая по-

лезная вещь. Когда он познакомился с Лидией Ивановной, имевшей восемнадцать лет от роду и богатую тетеньку со связями, вместо «рара» и «татап» – он молчал, пока другие ухаживатели произносили целые адвокатские речи; в нужный момент он только взял Лидию Ивановну за руку – и дело сладилось.

Богатая тетенька возмутилась: – разве это партия?! – стала бранить жениха в глаза; он молчал – говорила Лидия Ивановна – и дело опять хорошо кончилось. Несомненно, что и на службе он придерживался своего благого правила: и трех лет не прошло, как ему дали прекрасное место – заведывание хозяйственной частью в обширном богоугодном заведении. Никогда еще правила жизни не обманывали Петра Петровича – не удивительно поэтому, что он их применял и к ссорам с женой.

Но Петр Петрович не любил и боялся скандалов. И теперь сердце его грызла мука, что жена кричит, выдумывает в раздражении даже небывалое, говорит о деньгах, о родне – а в кухне все слышно. А если и не слышно, то Лиза и Агаша-маленькая, верно, пробрались в соседнюю комнату и подслушивают. Ну, говори что хочешь, хоть дерись – да по секрету, чтобы люди не слышали.

Мысль о подслушивании истомила Петра Петровича. Он не выдержал, вскочил с кресла и внезапно распахнул дверь в столовую.

Против ожидания, Агаши-маленькой он там не застал, хо-

тя в дверях как будто мелькнул кусочек розового платья. Удаляющихся шагов тоже не было слышно; но, если сказать правду, их и не мог бы никто слышать, так как Агаша, для удобства, носила войлочные туфли.

Около буфета Лиза, с непроницаемо-мирным лицом, уставляла тарелки и сейчас же вышла.

Петр Петрович притворил дверь и вернулся в гостиную.

– Успокойся, друг мой! – начал он почти шепотом. – Нехорошо. Люди слышат. Ты кричишь о таких вещах.

– Оставь, оставь! Мне все равно, я кому угодно готова рассказать... Это невысказано, что ты делаешь! Я сидела дома вчера, а ты был в театре, в ложе у кого, а? У m-me Губинской! И скрыл, да! Вот это ново! Я напишу тете, уеду к ней в имение, уеду, уеду...

– Друг мой, уверяю – это вышло случайно... И притом Губинский – наш казначей.

Но тут Лидия Ивановна так завизжала, зарыдала, что Петр Петрович принял решительные меры: он бросился в переднюю, надел пальто и вышел. Супруг справедливо рассудил, что Лидия Ивановна умолкнет, когда ей некого будет упрекать.

И точно, оставшись одна, Лидия Ивановна сразу притихла и даже подумала с некоторою радостью, что ссора кончилась благополучно. Но вместе с радостью была у нее в душе и досада. Ссора – это все-таки нечто, все-таки происшествие, а теперь, когда все замолкло и только часы постукивали в сто-

ловой, опять вернулась долгая, тягостная скука.

Лидия Ивановна была замужем три года. Она казалась старше своих лет: на самом деле ей не минуло двадцати двух. Она порою забывала, сколько ей лет, – так все последние года походили один на другой.

Первое время замужества она была влюблена в Петра Петровича, как в институте влюблялась в учителей рисования и музыки; но потом, мало-помалу, влюбленность прошла, и она даже удивлялась, как могла раньше не замечать, что у Петра Петровича такие большие, бледные уши, из которых торчат пучки беловатых волос. Петра Петровича она стала просто считать необходимой своей принадлежностью, привычной вещью, которой почти не замечаешь.

Она думала, что она глава дома. Она кричала, кипятилась – муж молчал. Но в результате, осторожно и незаметно, делал по-своему.

Лидия Ивановна томилась скукой. Детей у нее не было, да она и не хотела бы иметь детей. Лишние расходы, болезнь, заботы, да ребенок еще будет хворый, да еще, пожалуй, умрет... Это уж не развлечение, а наказание.

И шли дни за днями, лето сменялось зимой, зима летом, Петербург – скромной дачей в Лесном или Царском, а Царское – опять Петербургом. Каждое утро Петр Петрович уходил на службу. Каждую Пасху приезжала из имения тетенька, смотрела с соболезнованием на Лидию Ивановну, с кротким презрением на Петра Петровича – и уезжала. Все пошло

своим чередом – а Лидия Ивановна не могла найти себе никакого занятия. Она вообще не знала, чем должны заниматься молодые дамы. Вязать шарфы и кошельки было не в ее характере. К музыке и рисованию способностей не имела. Романы любила читать с середины и разрезала листы книги пальцем. – Знакомые? Их было немного, и все такие неинтересные. Впрочем, и живя у тетки, Лидия Ивановна не привыкла к большому обществу, выезжала редко. Но тогда у нее была ясная цель: выйти замуж. Она вышла замуж. Что же дальше? Чем наполнить время с утра? Хозяйство идет себе, заведенное раз, Лиза отлично знает, когда подать завтрак и обед. На «журфиксах» у ее малочисленных знакомых так же скучно, как и у них, когда Лидия Ивановна принимает гостей в своей приличной квартире, убранной на восточный лад. Как-то раз за Лидией Ивановной вздумал ухаживать молодой офицер. Дело было на Пасхе; заметила тетка, подняла крик. Непривычная Лидия Ивановна сама испугалась за свою репутацию и так несправедливо обошлась с офицером, что он сейчас же принялся ухаживать за ко-ротконосой и богатой курсисткой. Ухаживанье офицера слегка развлекло Лидию Ивановну, хотя и продолжалось недолго.

Частое одиночество заставляло ее иногда разговаривать с Лизой и допускать некоторую фамильярность.

Теперь, когда Лидия Ивановна осталась в гостиной с невысохшими слезами, обидой и скукой в душе, – тотчас же явилась Лиза – растопить потухший камин.

Ее бледное лицо с тонкими чертами было, как всегда, интересно, несмотря на неряшливость в костюме. Пестрая кофточка шла к ней. Густые волосы, не туго заплетенные, казались растрепанными. Она не походила на ловкую горничную хорошего дома, а скорее на барышню в небрежном утреннем неглиже. Передников она не любила и не носила.

Лиза присела около камина. Сухие щепки затрещали. Несколько минут длилось молчание, наконец Лиза произнесла, как бы про себя:

– Уж этот барин вечно... Расстроят только понапрасну. Лидия Ивановна вздохнула.

– Удивляюсь я, право... Это надо ваше терпение иметь... – продолжала Лиза.

Лидия Ивановна приподняла голову.

– Что ж делать, все равно... Вы, Лиза, не забудьте яблоки в печке...

– Там, барыня, в кухне такая жара... Нынче и пироги, и яблоки. Я уж не знаю, что и с гостями делать...

– А у вас кто? – довольно равнодушно спросила Лидия Ивановна. Ей было так скучно и впереди предстояла такая тоска безделья, что даже участие Лизы ее мало утешило.

– Какие гости, известные! – начала Лиза, дую в камин. – Опять это золото сидит, разве его выкуришь? Сидит как столб. Уж он давеча на лестнице ревел-ревел, зачем я его к Агаше-толстой посылала... И откуда у него только слезы берутся? Ну – еще Анна Маврикиевна с ребятишками зашла...

Нет, этот-то хорош!

– Охота вам, Лиза, с солдатом...

– Положим что, барыня, Корвин и красивый, да и обращение у него такое приличное, не солдатское... Он мне вчера полную книжку стихов принес. Да мне все-таки ровно наплевать. Пусть Агаша-толстая свое добро берет...

– Давно это он в вас так сильно влюбился?

– С самой свадьбы Дашиной, – вот еще осенью была, месяца четыре уж есть, – не отстает от меня ни на шаг! В него многие девушки влюблены...

– А что же Агаша?

– Агаша из «девятнадцатого» от Фоминой уходить хочет.

Лидия Ивановна по рассказам Лизы знала о своих соседях больше, чем если бы познакомилась с ними. Она давно знала, что приличный, скромный муж Фоминой – воспитатель в каком-то корпусе – оттого так редко приезжает к ней, что один граф приезжает слишком часто, хотя и не настолько часто, чтобы компрометировать парадную лестницу и серьезного швейцара.

– Отчего же Агаша хочет уйти? – спросила Лидия Ивановна.

– С Борей сладу нет. Восемь лет мальчику, а такой озорник, щиплетя, дерется. Никакая горничная жить не будет.

– Чего ж мать смотрит?

– А ей что? Ей лишь бы с графом. Тоже – и дела господские! А прислугу – рады укорять.

Лидия Ивановна мало-помалу, вяло и туго, но все-таки заинтересовалась разговором.

Лиза охотно, даже с оттенком хвастливости, рассказывала, как сильно влюблен в нее прежний Агашин жених, унтер-офицер Корвин, какие приносит апельсины и какие пишет письма. Она описывала это попеременно с известиями о новом фасоне платья, которое она отдавала шить, и о досаде и злобе Агаши-толстой.

Лидия Ивановна почувствовала что-то похожее на зависть. Окна гостиной выходили на север, и с бледно-зеленого мартовского неба лился грустный, отраженный свет. Сейчас Лиза уйдет, и бедная Лидия Ивановна останется одна в этих тусклых комнатах, убранных на восточный лад, без всяких забот и горестей, но и без всякой надежды. Даже Петра Петровича нет. – Ну, а если он и придет? Какую новую радость даст ей этот молчаливый, домашний, известный, аккуратный человек?

А кухня, куда пойдет Лиза печь пироги, выходит на солнце, и верно там теперь на полу лежит светлый, вытянутый четырехугольник, и кошка греется на солнышке, а нежный Корвин собирается читать Лизе новые стихи...

Позвонили. В одно мгновение Лидия Ивановна преобразилась. У нее стало другое лицо. Только бы не муж! Все равно кто, новый живой человек, письмо... Письмо нужно прочесть, на письмо, пожалуй, можно ответить...

В голове ее даже пронеслась смутная и нелепая мысль:

а вдруг это тот офицер, который ухаживал за ней в прошлом году? Если Петр Петрович бывает в ложе у Губинской, так... Но это оказалось письмо от знакомой коротконосой курсистки, приглашение на вечер.

Лидия Ивановна улыбнулась чему-то и с непривычным прилежанием мысли стала обдумывать, что она наденет на вечер.

III

Лиза между тем вернулась к своим пирогам.

В кухню действительно светили желтые веселые лучи. Агаша-маленькая, бойкая девочка с розовым лицом и уже нечистыми глазами, лениво гладила на столе какое-то кружево и все поглядывала в сторону.

Мать, отпуская Агашу с господами в Петербург, уверяла, что она – девочка способная, живо по-городскому выучится. И Агаша, точно, оказалась необыкновенно способной.

Через два-три месяца она поняла, что следует во всем как можно усерднее подражать господам, а самих господ – где только можно – надувать, потому что чем больше и ловче надуешь, тем слаще поешь. Она ухитрялась покупать ветчины меньше фунта на две копейки – а две копейки прятала в уголок, в дырочку. А накопив гривенник – ехала с торжеством кататься на извозчике. Вскоре она не замедлила влюбиться в какого-то лупоглазого и невинного кадета, приехавшего на праздник к старой барыне в первом этаже.

Из скромности кадет всегда ходил по черной лестнице. Агаша стала ему назначать свиданья на дворе у конюшен, в сумерки; приносила ему апельсины, конфеты, даже пастилу и варенье из господского буфета. Кадет любил сладкое и пожирал принесенное с молчаливой алчностью.

И маленькая Агаша гордо рассказывала, что у нее есть

«кавалер». Она думала, что первый петербургский стыд – не иметь кавалера.

За столом, у окна, далеко от плиты (кухня была просторная) сидела пожилая, полная дама в шляпке, чиновница Анна Маврикиевна. Подле нее толпилась часть ее семейства. Зойка, Олька, Лелька и Сонька. Одинаковые, малорослые девочки с хитрыми глазами вели себя не по летам сдержанно. Зойка, на вид лет двенадцати, имела решительно гордый вид. Они все давно помогали отцу и матери. Зимой на праздниках танцевали в Манеже, а все лето – в Зоологическом. В Манеже за день хорошо платили, в Зоологическом хуже, да и мазаться много приходилось, потому что девочек выпускали в виде негрят.

Анна Маврикиевна пила кофе и рассуждала о чем-то с Корвиным.

Без шинели и шапки Лаврентий Корвин был гораздо хуже. Бритые по-солдатски волосы чуть отливали бледным золотом. Узенький, маленький, тоненький, с немного кривыми ногами и смазливый лицом – он почти казался мальчишкой. И в лице его было что-то детское, преданное, упрямое и беспомощное. Глуповатая задорливость у него быстро сменялась жалобным и покорным выражением губ. Он словно не знал, может ли сбыться, чего он хочет – и даже не знал, чего он хочет.

Беспрестанно желая быть небрежно молодцоватым, он поправлял пояс книзу и выдвигал грудь.

Лиза с шумом переставляла сковороды и делала вид, что – зла.

Не смущаясь присутствием Анны Маврикиевны, Корвин возобновил прерванное объяснение.

– Позвольте вас спросить окончательно, Лизавета Максимовна, решаетесь вы ехать в Гатчину на маскарад или же нет?

– Сказала я тебе – отвяжись. Мое дело! Хочу и поеду.

– Увидим это, как вы поедете!

– А не угодно ли на лестницу? Пооди, подежурь там, поплачь за дверью, а то к Агаше-толстой постучись. В маскарад, знаешь, кто меня приглашал? Знаешь? Он человек свободный, не солдат, и со средствами. Захочу – завтра повенчаюсь.

– И мы не век солдатами будем. Через год и с нами венчаться можно.

– Слыхала я это.

Дверь отворилась и вошла Агаша-толстая. Днем она была не так свежа; с осени она похудела, особенно лицом; неловко сшитое ситцевое платье не красило ее.

Она мельком взглянула на Корвина и отвела глаза.

– А, гости дорогие! – приветствовала ее Лиза не без иронии. – Откуда с покупками?

– Из суровской, по дороге забежала, – ответила Агаша, пришепетывая. – Вчера я мать в больницу свезла, – прибавила она без выражения особой печали, как будто речь шла о серьезном, но обыденном деле.

Мать была у Агаши строгая, даже суровая старуха, прежней веры. Дочь любила ее, и не то что боялась, а просто привыкла без размышления и прекословия не преступать ее малейших желаний, как если б физически это было невозможно. Мать никогда не позволила бы Агаше выйти не за старовера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.